

— Зачѣмъ ты пришла сюда, дочь моя?

Бѣдная женщина, очевидно, сильно страдала физически и нравственно, такъ какъ она схватилась обѣими руками за сердце, а нервная дрожь исказила ея лицо, которое, несмотря на тяжелые слѣды болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, глубокаго горя и уродовавшихъ его большихъ шрамовъ, сохраняло признаки когда-то бывшей красоты. Монахъ все это быстро замѣтилъ, а также призналъ, по складу ея лица, что его неожиданная посѣтительница была русская. Но въ ту же минуту она зашаталась и, лишившись чувствъ, упала бы на полъ, если бы онъ не поддержалъ ее.

Не желая позвать къ себѣ на помощь другихъ монаховъ и тѣмъ разгласить тайну, которую, быть можетъ, таинственно явившаяся къ нему монахиня желала сохранить отъ всѣхъ, патеръ Винцентъ бережно посадилъ ее на скамейку и сталъ терпѣливо приводить ее въ чувство. Черезъ нѣсколько минутъ это удалось ему, и она, медленно открывъ глаза, посмотрѣла на него съ изумленіемъ, какъ бы не отдавая себѣ отчета, гдѣ она и съ кѣмъ.

— погоди, дочь моя, прежде успокойся и совершенно приди въ себя.

Она повиновалась какъ послушное дитя